

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 25.12.2023

Accepted: 09.04.2024

EMOTIVE VOCABULARY AS A MEANS OF EXPRESSING AXIOLOGICAL MEANINGS IN A HAGIOGRAPHIC TEXT

Evgeniia G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article focuses on the functional and semantic features of the vocabulary of emotions as a means of conveying ideas about spiritual and moral values, the religious and moral ideal. The research is carried out on the material of hagiographic texts of the *Life of Artemy Verkolsky*, which dates back to the turn of the 17th – 18th centuries. The appeal to the analysis of the lexical meaning of emotives in a synchronic and diachronic aspect has enabled the author to identify the stability of semantic features that express two types of assessment: assessment from the position of the subject – ‘the nature of emotion’ (positive / negative / neutral) and assessment from the position of society – ‘assessment of emotional experience’ (approved / disapproved / ambivalent). It was noted that the main emotive lexemes in the *Life of Artemy Verkolsky* perform characterological, text-forming and didactic functions: emotives describe the significant traits of the actors, organize the compositional unity of the text and form the axiological structure of the text, convey value implications. The axiological model of the hagiographic text is constructed as an opposition of good and evil, in which heaven and earth, higher forces and man are involved, and which occurs in the human soul that is struggling with passions. The lexis of emotions expresses the key values for a Christian: attitude to God (love, fear of God) and to people (respect).

Key words: history of the Russian language, lexical semantics, vocabulary of emotions, semantics of assessment, functions of language units, hagiographic text.

Citation. Dmitrieva E.G. Emotive Vocabulary as a Means of Expressing Axiological Meanings in a Hagiographic Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 25.12.2023

Дата принятия статьи: 09.04.2024

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на материале Жития Артемия Веркольского, относящегося к рубежу XVII–XVIII вв., рассматриваются функционально-семантические особенности лексики эмоций как средства передачи представлений о духовно-нравственных ценностях, религиозно-нравственном идеале. В результате

анализа лексических значений эмотивов в синхронно-диахроническом аспекте выявлена устойчивость семантических признаков, выражающих два вида оценки: оценку с позиции субъекта – ‘характер эмоции’ (положительная / отрицательная / нейтральная) и оценку с позиции социума – ‘оценка эмоционального переживания’ (поощряемое / непоощряемое / амбивалентное). Установлены основные для эмотивных лексем в Житии Артемия Веркольского функции – характерологическая, текстообразующая и дидактическая: эмотивы описывают значимые черты действующих лиц, создают композиционное единство жития и формируют аксиологическую структуру текста, транслируя ценностные смыслы. Аксиологическая модель агиографического текста строится как противопоставление добра и зла, в которое вовлечены небо и земля, высшие силы и человек и которое происходит в человеческой душе, борющейся со страстями. Лексика эмоций выражает ключевые для христианина ценности: отношение к Богу (любовь, страх Божий) и к людям (уважение).

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, лексика эмоций, семантика оценки, функции языковых единиц, житийный текст.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Эмотивная лексика как средство выражения аксиологических смыслов в житийном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.1>

Введение

«Оценка», «оценочность», «ценность» – понятия, соотносимые в исследовательской практике с различными языковыми свойствами и фактами, – уже давно стали предметом постоянных научных дискуссий и разысканий.

Интерес к оценке как семантической категории возник в отечественном языкознании прежде всего в связи с анализом лексического значения слова и семантики высказывания. Е.М. Вольф отмечает: «Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как “А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой”» [Вольф, 2002, с. 5–6]. Н.Д. Арутюнова подчеркивает прагматический характер оценки, ее зависимость от контекста, взаимосвязь с жизнедеятельностью человека, социальную обусловленность [Арутюнова, 1988, с. 6–8]. Исследователь указывает на связь оценки с нормой, реляционный характер оценки, отражающей отношение «между миром и его идеализированной картиной» [Арутюнова, 1988, с. 59]. При этом важно, что оценочные суждения способствуют созданию и познанию идеализированной картины мира [Арутюнова, 1988, с. 60]. Т.В. Маркелова уделяет особое внимание различиям между оценочным значением как содержательной языковой категорией, с необходимостью выражающей оценочное суждение, и оценочным значением как коннотацией, осложнением семантических структур высказывания [Маркелова, 1993, с. 47].

Особый интерес вызывает тесная связь оценки и эмоций. Ряд ученых признают, что эмотивность (эмоциональность) и оценочность – это самостоятельные категории. Например, В.К. Харченко обращает внимание на следующий момент: «Так как оценочность представляет собой функциональную категорию, она меньше всего является “созначением” и тем самым отличается от эмоциональности и экспрессии» [Харченко, 1976, с. 67]. Другие ученые считают, что эмотивность (эмоциональность) и оценочность – это взаимосвязанные, но факультативные друг для друга категории. Так, Э.А. Вайгла отмечает: «Вся эмоциональная лексика современного русского языка распадается на две большие группы: слова эмоционально-оценочные и слова, не содержащие оценки» [Вайгла, 1978, с. 4]. Аналогичную позицию по данному вопросу занимает и Е.М. Вольф: «С точки зрения анализа ЭС (эмоциональных состояний. – Е. Д.) очевидно, что оценочные смыслы так или иначе присутствуют как в лексемах, которые связаны с моральными категориями (стыд, гордость и др.), так и в обозначениях собственно эмоций... В то же время имеются предикаты, которые не связаны с определенной оценкой» [Вольф, 1996, с. 152]. Имеются работы, в которых эмотивность (эмоциональность) и оценочность трактуются как нерасторжимые категории, составляющие единый компонент значения слова (см., например: [Коновалова, 2001; Лукьянова, 1986; Маркелова, 1993; Родионова С. Е., Родионова А. Е., 1996; и др.]).

Идеи об оценке как семантической категории получили развитие в рамках нового направления – аксиологической лингвистики, в центре внимания которой находятся ценности – «высшие ориентиры поведения» [Россия лингвистическая..., 2012, с. 161], концентрированное выражение культуры. На базе аксиологической лингвистики появляются смежные дисциплины, например, аксиография (оценочная лексикография) – область общей лексикографии, занимающаяся лексикографическим описанием оценочно маркированной лексики, созданием словарей оценочной лексики [Маркелова, Тихонова, 2017, с. 89].

Оценка, выражающая ценностные ориентиры народа, может отражаться в конкретных языковых единицах, например, в лексическом значении слова или фразеологизма, и в культурно значимых текстах. Исследователи отмечают, что «источки ценностного миропонимания русского человека могут быть обнаружены как в мифологии и фольклоре Древней Руси, так и в памятниках древнерусской письменности, в летописях и житиях, в архитектуре храмов, в иконах и т. д.» [Лукьянов, 2015, с. 8].

Жития, безусловно, относятся к культурно значимым текстам, поскольку их авторы сосредоточены на описании религиозно-нравственного идеала.

Выражение оценки в агиографическом тексте имеет свою специфику. Применительно к агиографическому тексту прежде всего требует корректировки тезис, который сформулирован Е.М. Вольф: предикаты эмоционального состояния оценивают внутреннее состояние субъекта, при этом «никоим образом не значит, что оценивается сам субъект» [Вольф, 2002, с. 230]. Проведенный нами ранее анализ употребления эмотивных глаголов показал, что статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек) – один из важнейших факторов, определяющих выбор предикативной единицы [Дмитриева, 2008, с. 426].

Новые возможности для описания специфики выражения оценки в житии открывает разрабатываемая в аксиолингвистике идея об инвариантной аксиологической модели текста определенного типа (см., например: [Марьянич, 2009]). Как представляется, по отноше-

нию к житию также можно говорить об аксиологической модели текста.

Цель статьи – на основе анализа семантики и функций эмотивов в конкретном житии охарактеризовать их как средство выражения ценностных доминант текста, формирующих его аксиологическую структуру.

Материал и методы

Материалом для исследования послужило Житие Артемия Веркольского в редакции конца XVII – начала XVIII в. [Савельева, 2010, с. 201].

В центре повествования находится крестьянский мальчик, который не проявил себя в традиционном христианском подвиге, потому что погиб в двенадцатилетнем возрасте от удара молнии во время земледельческих работ.

К лику праведников святой Артемий Веркольский был причислен на основании имеющихся сведений о посмертных чудотворениях, поэтому при описании его жизни важно было подчеркнуть ее праведность: благочестие родителей, отказ от детских игр и раннее обращение к Богу.

Л.А. Дмитриев характеризует Житие Артемия Веркольского как «один из образцов того типа севернорусских житий, в котором святым становится не подвижник во славу церкви и религии, а человек из народа, “народный святой”, возбудивший к себе симпатию своей горестной судьбой» [Дмитриев, 1973, с. 249]. Е.А. Рыжова относит Житие Артемия Веркольского к широкой группе житий праведников, отмечая разнообразие таких произведений, не ограничивающихся только сюжетом «святой из гробницы» [Рыжова, 2022, с. 86]. В жанровом отношении жития праведников демонстрируют трансформацию житийного канона и сближаются со сказаниями и повестями о чудотворных иконах [Рыжова, 2023, с. 36].

Бедность событийной основы собственно житийной части в рассматриваемом тексте потребовала от агиографа поиска компенсирующих элементов, которые смогли бы создать образ будущего праведника. Л.А. Дмитриев в этой связи пишет: «Вся эта риторичность, пышность и торжественность более

чем в каком-либо другом житии не соответствует событийной основе памятника. В этом отношении житие Артемия Веркольского является ярким образцом искусственности, нарочитости употребления риторических приемов в угоду требованиям жанровых канонов» [Дмитриев, 1973, с. 255]. Однако «соблюдение жанровых канонов» позволяет автору жития выразить свою аксиологическую программу, в которой одно из важнейших мест отдано эмоциональной сфере.

В центре нашего внимания находятся лексика эмоций, функционирующая в исследуемом житии. Ее анализ опирается на результаты наших предыдущих работ, в которых лексика эмоций понимается как совокупность лексем, служащих для обозначения и описания эмоций и чувств и их внешних проявлений. Эмотивы могут означать процесс эмоционального переживания, следствие эмоционального переживания, эмоциональное воздействие. Реконструкция семантической структуры единиц, входящих в данное лексическое множество, позволила выделить их значимые семантические признаки, к которым прежде всего относятся 'эмоциональное переживание' (маркер принадлежности к группе эмотивов), 'характер эмоции' (положительная / отрицательная / нейтральная), 'интенсивность эмоционального переживания' (высокая / средняя / низкая) [Семантика..., 2015, с. 188], 'оценка эмоционального переживания' (поощряемое / непоощряемое / амбивалентное) [Дмитриева, 2021, с. 58]. Таким образом, оценка дважды отражается в семантике эмотива: как внутренняя характеристика (чувство, соотносимое с удовольствием / неудовольствием субъекта эмоционального переживания) и как внешняя (социальное одобрение / неодобрение).

К основным функциям эмотивной лексики, которые определяют место данной лексической группы в репрезентации представлений о нравственном идеале, относятся: собственно лингвистические – характерологическая, текстообразующая, лингвокультурная и экстралингвистические – сюжетоформирующая, дидактическая, мировоззренческая (подробнее о терминах см.: [Дмитриева, 2020]).

Исследование, результаты которого представлены в статье, проведено в рамках синхронно-диахронического подхода. В качестве

основных в работе использованы методы компонентного, контекстуального и лингвокультурного анализа.

Результаты и обсуждение

В Житии Артемия Веркольского через описания эмоций и чувств определяются существенные свойства всех героев повествования, находящихся на небе и на земле: противостояние добра и зла в мире показано через отношение высших сил к человеку, человека к Богу и к другим людям.

Рассказ об эмоциональных переживаниях создает привычную для читателей этикетную рамку агиографического текста, которая обуславливает использование большого количества цитат, традиционных языковых средств, организованных между собой знакомыми читателю связями. Все это призвано подтвердить незыблемость ценностей. Кроме того, эмотивы выполняют комплекс функций, важнейшими из которых являются характерологическая, текстообразующая и дидактическая.

Во вступительной части жития противопоставлены Святой Дух – утешитель – и падший ангел Сатанаил – гордец, завистник и ненавистник человеческого рода:

(1) Духъ же Святой, **утѣшителю** благий и животворящий, иже от Отца исходяй и на Сыне почи-
ваяй (ЖАВ, л. 262 об.);

(2) И постави же десятому чину воеводу Сатанаила. Сей же своею **гордостью** превознесся... (ЖАВ, л. 262 об. – 263);

(3) И **ненавидяй** добра роду человекю, **завистливый** диявол прелсти их, еже преступити данную имъ заповѣдь (ЖАВ, л. 263).

Существительное *утешитель* является производным от глагола *утешить*, который образован от *тешить* (*тешить* → *утешить* → *утешитель*), этимологически связанного с прилагательным *тихий* (Фасмер, т. 4, с. 54). Предположительно, старшим значением древнего корня, к которому могут быть возведены современные *-теш-* / *-тих-*, было значение «успокаивать», «удовлетворять», «утешать» (Черных, т. 2, с. 243).

В древнерусском языке **ѹтѣшителъ** – «податель утешения, успокоения», «наимено-

вание Святого Духа, Параклит» (Срезн., т. 3, стб. 1325), от *ѹтѣшити* – «утешить, успокоить» (Срезн., т. 3, стб. 1325).

Таким образом, лексема *утешитель* на протяжении древнерусского и старорусского периодов развития русского языка сохраняет в качестве основного значение, выражающее социально одобряемое эмоциональное воздействие, в результате которого объект избавится от отрицательного переживания. Эта лексема в православном христианском сознании прочно связана с именем Святого Духа. Использование данного существительного как характеризующего средства позволяет подчеркнуть внимание и заботу, которыми Бог окружает человека.

В описаниях дьявола устойчивыми можно считать такие характеристики, как гордец, завистник и ненавистник человеческого рода.

М. Фасмер, приводя славянские параллели, не представляет древнейшую семантику корня прилагательного *гордый* (Фасмер, т. 1, с. 440). П.Я. Черных, считая этимологию слова не вполне ясной, приводит точку зрения Ю. Покорного, который считал старшим для общеславянского языка значение «разборчивый», «придирчивый», «привередливый», восходящее к индоевропейской базе «растирать», «изнурять» (Черных, т. 1, с. 204). В «Этимологическом словаре славянских языков» происхождение корня объясняется с учетом взаимосвязи древних значений «гордый, надменный» и «страшный, безобразный», а также балтийских и греческих параллелей как экспрессивная инновация с развитием семантики «застывший, малоподвижный» → «чопорный, гордый» (ЭССЯ, вып. 7, с. 207).

В «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» прилагательное *гърдѣти* зафиксировано в следующих значениях: «непокорный, дерзкий», «высокомерный, надменный; кичливый», «жестокий», губительный», «суровый, безжалостный», «славный, выдающийся» (СДЯ, т. 2, с. 409), существительное *гърдость* толкуется как «непокорность, дерзость», «высокомерие, надменность» (СДЯ, т. 2, с. 408). И.И. Срезневский основным для него называет значение «гордость, хвастливость» (Срезн., т. 1, стб. 613).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *гордость* имеет также два значе-

ния – «гордость, высокомерие, надменность» и «дерзость» (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 82).

Глагол *завидовать* восходит к *видеть* и, возможно, связан с представлением о «дурном глазе» (Фасмер, т. 2, с. 72). При этом в качестве старшей формы и старшего значения указывается *завидѣти* – «видеть издали», «начать видеть», «засмотреться», суффикс *-ова-* маркирует появление нового значения «смотреть, засматриваться недоброжелательно, косо или зло», «видеть искаженно» и устраняет омонимию (Черных, т. 1, с. 313).

В древнерусском языке прилагательное *завистливѣти* («завистливый») было однозначным (СДЯ, т. 3, с. 287), в старорусском оно становится многозначным, реализуя значения «завистливый», «скупой, ревниво охраняющий что-либо от других, не желающий делить что-л. с кем-л.» (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 151).

Глагол *ненавидеть* образован при помощи приставки со значением отрицания от отсутствовавшей уже в древнерусском языке лексемы **навидѣти* «охотно смотреть, навещать» (Фасмер, т. 3, с. 63; Черных, т. 1, с. 569).

В древнерусском языке глагол *ненавидѣти* выступает как моносемант со значением «ненавидеть, испытывать отвращение» (СДЯ, т. 5, с. 306), от него образовывалось существительное *ненавистникъ* – «тот, кто исполнен ненависти, ненавистник», «тот, кого ненавидят» (СДЯ, т. 5, с. 306–307).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *ненавистникъ* отмечается в двух значениях: «тот, кто ненавидит (кого-, что-л.), ненавистник, враг» и «недовольный» (СРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 181).

Лексикографические источники позволяют проследить историю слов *гордость*, *ненавистник*, *завистливый*: в течение древнерусского и старорусского периодов они выступали как обозначения исключительно социально неодобряемых эмоций. Устойчивость отрицательной оценки, ее однозначность позволяли рассматриваемым языковым единицам выступать в житийном тексте характерологическим средством, фиксирующим представления об антиценности.

Таким образом, антагонизм высших сил, эксплицирующийся в тексте жития через

противопоставление положительных и отрицательных эмоций, ценностей и антиценностей, задает аксиологическую структуру житийного текста. Эмотивы, выражающие ключевую оппозицию добра и зла, реализуют, помимо характерологической, текстообразующую и дидактическую функции.

Важное место занимает лексика эмоций и в описании отношений человека к Богу и святым:

(4) Адам же изыде из Рая, и начат труд творити – землю дѣлати, по словеси Господню, и питатися от нея, и **славити** Бога (ЖАВ, л. 263);

(5) Добро есть и полезно, еже **славити** Бога без престани и поклонятися в Троицы **славимому** Господу нашему Иесу Христу, еже показа намъ свѣтильника сего, праведнаго и непорочнаго чюдотворца Артемия (ЖАВ, л. 263);

(6) Воистину убо богоблаженнаго сего достойно **прославити** и пѣти усердно, образу его молитися, творящаго многа и **преславная** чюдеса и исцѣления больным... (ЖАВ, л. 263 об.).

Основной лексемой здесь выступает глагол *славити* (*прославити*), восходящий к индоевропейской основе, той же, что и у *слыть*, *слово*, *слух*, *слышать* (Черных, т. 2, с. 173) и однокоренные образования с близкой семантикой.

Авторы «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» фиксируют для глагола **славити** семь значений: «уважать, признавать, высказывать почтение», «ниспосылать блага, успех, высокое положение, славу», «распространять славу, делать известным», «прославлять, восхвалять», «утверждать, провозглашать (что-л.), учить», «почитать в религиозном смысле», «быть сторонником» (СДЯ, т. 11, с. 276–278), при этом анализ приводимых контекстов показал, что использование данной лексемы с существительными, называющими Бога и святых, характерно для значения «прославлять, восхвалять». Это значение является основным для глагола **прославити** (СДЯ, т. 9, с. 164). Прилагательное **преславныи** используется в древнерусских текстах в значениях «пользующийся великой славой, в высшей степени достойный славы; весьма почитаемый» и «удивительный, необычайный; замечательный, необыкновенный» (СДЯ, т. 8, с. 277–278).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *славити* фиксируется как многозначная: 1) «прославлять, восхвалять, хвалить», «почитать, чтить», «называть кем-л., прославлять в качестве кого-л.»; 2) «распространять слухи, какие-л. сведения о ком-, чем-л.»; 3) «ходить во время праздника Рождества по домам верующих с крестом, иконами и пением гимнов, восхваляющих Христа»; 4) «полагать, считать; верить» (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 56–57).

Помимо *славити*, в житии представлены и другие глаголы, например, *возлюбити* – «полюбить, принять» (СДЯ, т. 2, с. 80), «полюбить, возлюбить» (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 294):

(7) Бѣ же отроча пяти лѣтъ, и начат лишатися дѣтскаго обычая, и возненавидѣв игры дѣтския, **возлюбил** Бога. И начат трудъ творити, зѣмное дѣло, и питатися от нея по Господню словеси... (ЖАВ, л. 264).

Лексемы *славити*, *прославити* и *возлюбити*, выражая положительные, социально одобряемые чувства (или их проявления), описывают значимые, устойчивые ценности и реализуют характерологическую функцию.

Важным в этой связи оказывается в рассматриваемом тексте мотив страха:

(8) И бысть облакъ темень с небеси аки ночь, изо облака же дождю многу, и громъ велий, и молния неизреченная **страшна**. Якоже Давыдъ глаголет во Псаломстѣи книги: «Собираяй яко мѣх воды морския, полагаяй во сокровищих бездны. Да **убоит** же **ся** Господа вся земля, от негоже подвижатся вси живущей по вселеннѣи» (ЖАВ, л. 264 об. – 265);

(9) Блаженный же **ужасеся**, и от того великаго **ужаса** и грому испусти духъ, и предасть душу свою в руцѣ Господеви. Якоже самъ рече Господь: «Бѣжите от гнѣва Господня». И паки рече: «Аще гнѣв Божий, или молния и громъ поразит человека, и азъ сам сужду рабу моему» (ЖАВ, л. 265).

Страх в контексте житийного повествования это не только страх Божий как воплощение христианской добродетели, но и причина смерти будущего святого. Как отмечает Е.А. Рыжова, «умершие внезапной смертью составляли, согласно христианскому мировоззрению, особый разряд: они не могли погребаться по христианскому обряду, по-

скольку не успели исповедаться, получить отпущение грехов и причаститься» [Рыжова, 2023, с. 39]. В житиях святых, умерших внезапной смертью, нередко возникала необходимость прокомментировать почитание подвижника, удостоившегося «злообразной» кончины [Рыжова, 2023, с. 38]. В рассматриваемом тексте таким комментарием становится цитата из Жития Андрея Юродивого.

Для описания отношения святого к другим людям агиограф выбирает глагольные лексемы, характеризующие глубокое уважение:

(10) Сей праведный Артемий работая отцу своему и **послушая** его во всем неотложно... (ЖАВ, л. 264);

(11) Праведный же отрок **почитая** отца своего и мать свою, и любя Господа Бога, и моления творя многа, и милости от него прося (ЖАВ, л. 264 об.).

Глагол *послушати* в значении «послушаться, повиноваться» (СДЯ, т. 7, с. 253), «повиноваться; (по)слушаться кого- или чего-л., последовать совету, указанию» (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 190) представляет собой результат семантического развития и переосмысления перцептивной лексемы с семантикой слухового восприятия. Глагол *почитати*, восходящий к тому же корню, что и *честь*, *читать* (Черных, т. 2, с. 393), имел значение «читать, почитать» (СДЯ, т. 7, с. 403), «проявлять внимание, уважение, почтение; чтить» (СРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 76).

Обе лексемы характеризуют положительное, социально одобряемое эмоциональное отношение, проявляющееся как ценность, – уважение.

Выводы

Лексемы, выбранные агиографом для описания эмоциональных переживаний, характеризуются устойчивостью семантических признаков, связанных с оценкой: ‘характер эмоции’, ‘оценка эмоционального переживания’. Данное их свойство прослеживается как в синхроническом плане (в текстах XVII в.), так и в диахроническом (этимология и развитие значений в древнерусском и старорусском периодах). Думается, использование этих языковых единиц позволяет автору четко и однозначно передать христианские ценностные ориентиры,

охватывающие представления о добре и зле, об отношении к Богу и другим людям.

В Житии Артемия Веркольского лексика эмоций реализует три основных функции:

– характерологическую, называя значимые, сущностные ключевые черты носителей эмоциональных переживаний, а также субъектов эмоционального воздействия;

– текстообразующую, поскольку данные эмотивы, четко разделяясь на отрицательные, социально порицаемые и положительные, социально одобряемые, задают оценочную рамку повествования, в конечном итоге определяя композицию, построение текста, опирающееся на противопоставление добра и зла;

– дидактическую, так как агиограф дает своему читателю четкую установку, формирующую представления о религиозно-нравственном идеале.

Бедность событийной основы проанализированного жития позволяет увидеть определяющее значение эмотивной лексики в построении аксиологической структуры агиографического текста, тесно связанной с житийным каноном, и, следовательно, реализующей аксиологическую модель жития. Значимость эмотивной составляющей в данной модели позволяет поставить вопрос о жанрообразующей роли лексики эмоций в агиографическом произведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Вайгла Э. А., 1978. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 21 с.
- Вольф Е. М., 1996. Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М. : ИЯЗ. С. 137–167.
- Вольф Е. М., 2002. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС. 280 с.
- Горбань О. А., Дмитриева Е. Г., Косова М. В., Сафонова И. А., Терентьева Е. В., Шептухина Е. М., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.
- Дмитриев Л. А., 1973. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII–XVII вв. Л. : Наука. 303 с.

- Дмитриева Е. Г., 2008. Эмотивная глагольная лексика как средство создания образа святого в старорусских житиях // Мир Православия. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 7. С. 424–436.
- Дмитриева Е. Г., 2020. Функции эмотивной лексики как средства реализации религиозно-нравственного идеала в житийных текстах XVIII–XX веков // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. № 19. С. 41–52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Дмитриева Е. Г., 2021. Лексика эмоций в житиях святых для детей: функциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 56–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>
- Коновалова Н. И., 2001. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира Екатеринбург : Изд-во Дома учителя. 150 с.
- Лукьянов В. Г., 2015. Русская религиозная аксиология. [Б. м.] : Алетейя. 135 с.
- Лукьянова Н. А., 1986. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск : Наука. 230 с.
- Маркелова Т. В., 1993. Семантика оценки и средств ее выражении в русском языке. М. : МПУ. 123 с.
- Маркелова Т. В., Тихонова М.А., 2017. Словарная статья «Словаря оценочной лексики русского языка» как функционально-семантическое поле оценки в миниатюре // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 8, № 1. С. 89–96. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96
- Марьянчик В. А., 2009. Событие как элемент аксиологической структуры медиа-политического текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 54–58.
- Родионова С. Е., Родионова А. Е., 1996. Эмоционально-оценочное значение пренебрежительности и средства его выражения в современном русском языке // Исследования по семантике : Семантические категории в русском языке. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та. С. 84–96.
- Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда, 2012. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 389 с.
- Рыжова Е. А., 2022. К проблеме жанровой интеракции: севернорусские агиографические памятники о явленных иконах и святых // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 44, № 5. С. 85–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.791
- Рыжова Е. А., 2023. Тема божественного промысла в агиографической традиции и житиях праведников Русского Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. № 1–2. С. 34–49. DOI: 10.34130/2306-8450-2023-1-2-34
- Савельева Н. В., 2010. Сказания XVII века о святых, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб. : Изд-во Олега Абышко. 448 с.
- Харченко В. К., 1976. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. № 3. С. 66–71.

ИСТОЧНИК

ЖАВ – Житие Артемия Веркольского // Савельева Н. В. Сказания XVII века о святых, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010. С. 202–242.

СЛОВАРИ

- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–13. – М. : Рус. яз. ; Азбуковник, 1988–2023.
- Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Репринт. изд. М. : Знак, 2003. 3 т.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М. : Наука, 1975–2023.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996. 4 т.
- Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2002. 2 т.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. М. : Наука, 1974–2014.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.
- Vaigla E.A., 1978. *Emotsionalnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka i problemy ee perevoda (na russko-estonskom materiale): avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Emotional Vocabulary of the Modern Russian Language and the Problems of Its Translation (Based on

- Russian-Estonian Material). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 21 p.
- Wolf E.M., 1996. Funktsionalnaya semantika. Opisanie emotsionalnykh sostoyaniy [Functional Semantics. Description of Emotional States]. *Funktsionalnaya semantika: otsenka, ekspressivnost, modalnost* [Functional Semantics: Evaluation, Expressiveness, Modality]. Moscow, IYaZ, pp. 137-167.
- Wolf E.M., 2002. *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ. 280 p.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V., Sheptukhina E.M., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Dmitriev L.A., 1973. *Zhitiynye povesti russkogo Severa kak pamyatniki literatury XII–XVII vv.* [Hagiographic Stories of the Russian North as Literary Monuments of the 12th–17th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ. 303 p.
- Dmitrieva E.G., 2008. Emotivnaya glagolnaya leksika kak sredstvo sozdaniya obraza svyatogo v starorusskikh zhitiyakh [Emotive Verbal Vocabulary as a Means of Creating the Image of a Saint in Old Russian Lives]. *Mir Pravoslaviya* [World of Orthodoxy]. Volgograd, Izd-vo VolGU, iss. 7, pp. 424-436.
- Dmitrieva E.G., 2020. Funktsii emotivnoy leksiki kak sredstva realizatsii religiozno-nravstvennogo ideala v zhitiynykh tekstakh XVIII–XX vekov [Functions of Emotive Vocabulary as a Means of Pursuing Religious and Moral Ideal in the Hagiographic Texts of the 18th–20th Centuries]. *Acta Universitatis Lodzianae. Folia Linguistica Rossica*, no. 19, pp. 41-52. DOI: 10.18778/1731-8025.19.04
- Dmitrieva E.G., 2021. Leksika emotsiy v zhitiyakh svyatykh dlya detey: funktsionalnyy aspekt [Vocabulary of Emotions in Hagiographies for Children: Functional Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 56-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.5>
- Konovalova N.I., 2001. *Narodnaya fitonimiya kak fragment yazykovoy kartiny mira* [Folk Phytonymy as a Fragment of the Linguistic Picture of the World]. Yekaterinburg, Izd-vo Doma uchitelya. 150 p.
- Lukyanov V.G., 2015. *Russkaya religioznaya aksiologiya* [Russian Religious Axiology]. S.I., Aletya Publ. 135 p.
- Lukyanova N.A., 1986. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive Vocabulary of Colloquial Usage (Problems of Semantics)]. Novosibirsk, Nauka Publ. 230 p.
- Markelova T.V., 1993. *Semantika otsenki i sredstv ee vyrazhenii v russkom yazyke* [Semantics of Evaluation and Means of Its Expression in the Russian Language]. Moscow, MPU. 123 p.
- Markelova T.V., Tikhonova M.A., 2017. Slovarnaya statya «Slovarya otsenchnoy leksiki russkogo yazyka» kak funktsionalno-semanticheskoe pole otsenki v miniatyure [Dictionary Entry of the “Russian Language Evaluation Dictionary” as a Functional-Semantic Evaluation Field in Miniature]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 8, no. 1, pp. 89-96. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-89-96
- Maryanchik V.A., 2009. Sobytie kak element aksiologicheskoy struktury media-politicheskogo teksta [Event as an Element of the Media-Political Text’s Axiological Structure]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], no. 3, pp. 54-58.
- Rodionova S.E., Rodionova A.E., 1996. Emotsionalno-otsenchnoe znachenie prenebrezhitel’nosti i sredstva ego vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke [Emotional and Evaluative Meaning of Neglect and the Means of Its Expression in Modern Russian]. *Issledovaniya po semantike: Semanticheskie kategorii v russkom yazyke* [Research on Semantics: Semantic Categories in the Russian Language]. Ufa, Izd-vo Bashkir. un-ta, pp. 84-96.
- Rossiya lingvisticheskaya: nauchnye napravleniya i shkoly Volgograda* [Linguistic Russia: Scientific Directions and Schools of Volgograd], 2012. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 389 p.
- Ryzhova E.A., 2022. K probleme zhanrovoy interaktsii: severnorusskie agiograficheskie pamyatniki o yavlennykh ikonakh i svyatykh [Issue of Genre Interaction: Northern Russian Hagiographic Monuments about Miraculously Revealed Icons and Saints]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 44, no. 5, pp. 85-96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.791
- Ryzhova E.A., 2023. Tema bozhestvennogo promysla v agiograficheskoy traditsii i zhitiyakh pravednikov Russkogo Severa [Theme of Divine Providence in the Hagiographic Tradition and the Lives of the Righteous in the Russian North]. *Vestnik*

Syktvykarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk [Bulletin of Syktvykar University. Humanities Series], no. 1-2, pp. 34-49. DOI: 10.34130/2306-8450-2023-1-2-34

- Savelyeva N.V., 2010. *Skazaniya XVII veka o svyatynyakh, svyatykh i podvizhnikakh Russkogo Severa: Pinega i Mezen* [Legends of the 17th Century About Shrines, Saints and Ascetics of the Russian North: Pinega and Mezen]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko. 448 p.
- Kharchenko V.K., 1976. Razgranichenie otsenochnosti, obraznosti, ekspressii i emotsionalnosti v semantike slova [Differentiation of Evaluativeness, Imagery, Expression and Emotionality in the Semantics of the Word]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 66-71.

SOURCE

Zhitie Artemiya Verkolskogo [Hagiography of Artemy Verkolsky]. Savelyeva N.V. *Skazaniya XVII veka o svyatynyakh, svyatykh i podvizhnikakh Russkogo Severa: Pinega i Mezen* [Legends of the 17th Century About Shrines, Saints and Ascetics of the Russian North: Pinega and Mezen]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2010, pp. 202-242.

DICTIONARIES

- Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 1–13* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries). Vol. 1–13]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Azbukovnik Publ., 1988–2023.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t. Reprint. izd.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in Written Manuscripts. In 3 Vols. Reprint Edition]. Moscow, Znak Publ., 2003.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–32* [Dictionary of the Russian Language (11th–17th Centuries). Iss. 1–32]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2023.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. In 4 vols.]. Saint Petersburg, Terra-Azbuka Publ., 1996.
- Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2002.
- Trubachev O.N., Zhuravlev A.F., eds. *Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund], iss. 1–39. Moscow, Nauka Publ., 1974–2014.

Information About the Author

Evgeniia G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>